

Кем. правда - 1993 - 3 июля - с 2

Джон и граммофон

Друзья Джона строят магазины. Они вкладывают деньги в «Сникерс» и итальянскую тушенку. «Ты больной, — говорят Джону, — ты каждый день упускаешь миллионы. Сколотив состояние и кати в Америку!»

Джон не беден. За одну только бронзовую статуэтку, стоящую на тумбочке в спальне, ему в прошлом месяце предлагали два новых «Вольво-940». Джон отказался. Он ездит по проселочным коммерческим киосками улицам на старой «шестерке». Все свои деньги он закопал, по выражению друзей, в яму. Он строит в Ярославле первый в городе частный музей.

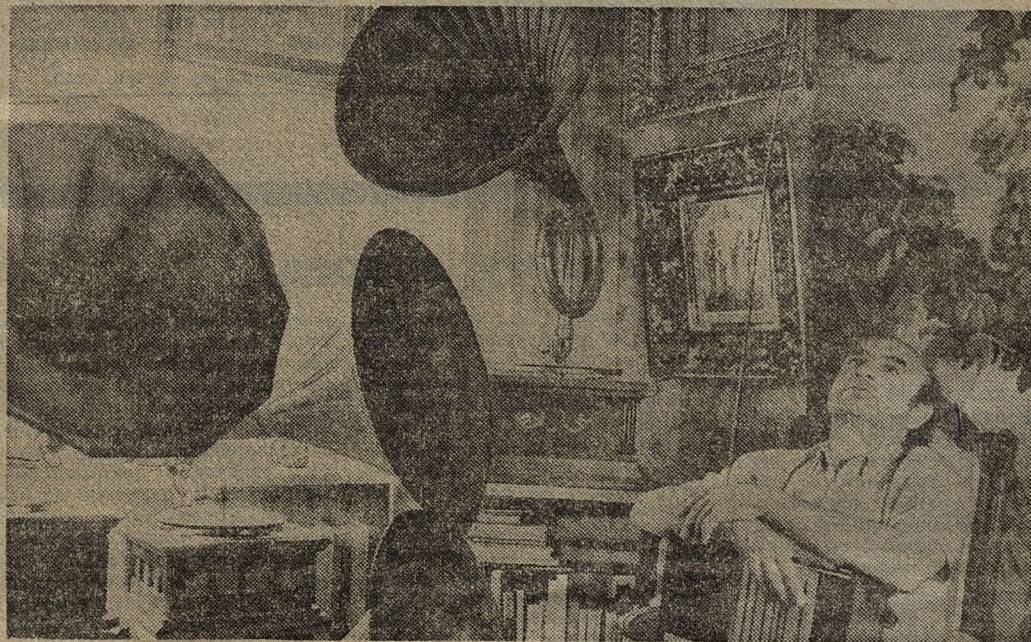
Фамилия у Джона соответствует подаренному родителями имени — Мостославский. Другого человека с таким именем и такой фамилией в Ярославле нет.

Джон — фокусник. Он просто угадывает цифры и предметы, которые задумала публика. Продает через ладонь иголку. Глотает шпаги. То же самое делает дед Джона. То же самое умеют делать трое его сыновей.

Когда в Ярославль приезжает кто-нибудь из известных артистов, после выступления они отправляются к Джону. На его крохотной кухне сжижали Штоколов, Малинин, Гребенщиков, отец и сын Маликовы. Квартира Джона тесна, по ней трудно пройти, ни за что не загнувшись. И радоваться должны те, кому ничего не свалилось на голову. Жилье Джона — большой антикварный склад.

Здесь можно «живьем» послушать Собинова, Шаляпина, Карузо — диски, которые выпустили при их жизни. У Джона восемь граммофонов. И к ним пятнадцать тысяч старинных пластинок. Еще у хозяина четырехкомнатной малогабаритки стоит восемь фисгармоний Нескольких роялей с клавиатурами. Собрание колоколов. И несметное количество часов — настенных, настольных, каминных. Есть даже каретные.

Первую купленную им ма-

шину он выменял в Ярославле на старые часы неизвестного мастера. Из гастролей по ФРГ Джон не привез ни платья жене, ни магнитофонов сыновьям. На всю полученную валюту он купил двое позолоченных часов под стеклянными колпаком.

То, что попало к Джону, у него уже не отнять. Когда очередной знакомый упрашивает продать понравившуюся антикварную штучку, Джон предлагает купить у него собственную руку. С ней ему не так жалко расстаться.

Наиболее ценные вещи хозяин хранит в запасниках музеев. Чтоб не беспокоились грабители.

Три года назад Джон приглядел нежилой двухэтажный дом на Волжской набережной. Дом этот Джону, конечно, не продали, но предложили находившееся рядом полуразвалившееся строение — бывший господский ледник. Не сопротивлялся этому даже обком партии — изношенность халупы была семьдесят пять процентов.

Только Джон приступил

менять крышу, стены под ней тут же рухнули. Пришлось расчищать завал и, утвердив проект одноэтажного дома, «вписывающегося в историческую часть города», начинать новую стройку. Удалось сделать лишь фундамент. Воспротивились живущие в соседних домах люди. А также Ярославское общество охраны памятников истории и культуры. Развалины и окружавшие местность помойки их устраивали. Чистый двор — Джон вывез сорок грузовиков мусора — нет. Из Министерства культуры СССР в облисполком пришла телеграмма: «Срочно приостановить строительство частного музея на Волжской набережной». «Дело» завела сперва городская, потом — ввиду важности — областная прокуратура.

У Джона есть два крупных недостатка. Он еврей. И он сидел в тюрьме. В начале семидесятых Джон сунул взятку в семьсот рублей начальнику жилищного отдела города. Тот пообещал занести бездомного фокусника в списки строи-

тельного кооператива. Джон жил с тремя детьми, женой, матерью, а также приехавшей к нему сестрой с ребенком в шестнадцатиметровой комнате в гостинице. Начальнику тому прямо в кабинет несли ходки картошку, молочных поросят, струганные доски. Начальнику дали десять лет. Джону — семь.

То, что не сумел сделать Джон, сделала его жена. Она взяла отпуск и месяц не выходила из приемной секретаря обкома. Квартиру ей дали законным путем.

Колония, куда поместили Джона, через два года стала образцово-показательной. В одном из барачков он организовал выставочный зал. Зеки от нечего делать мастерили на продажу уникальные вещи — макет ледокола «Ленин», плавающий в бутылке, вылепленный из хлебного мякиша бюст генсека, всевозможные брелки и цепочки. Поделок накопилось столько, что в колонии официально объявили о создании музея.

Когда на шестой год на Джона пришел приказ о до-

срочном освобождении, начальник колонии некоторое время его скрывал, а потом предложил ему большой оклад, лишь бы он остался в зоне. Но Джон скучал по гастролям.

Газета «Советская Россия» опубликовала фельетон «Джон и Ярославны». Речь шла о Джоне Мостославском, который один делал чуть ли не половину плана Ярославской филармонии. Бывший уголовник давал, говорилось в статье, по семьдесят пять концертов в месяц. После статьи фокусника из филармонии уволили. Джон уехал на юг и там, собирая полные залы, стал зарабатывать еще больше.

На этот раз, когда Джон начал строить на набережной музей, искать стали то же — кому он дал взятку. Эксперты, проверявшие его домашнюю коллекцию, написали, что она «имеет интерес с научной и исторической точки зрения не только для Ярославля, но и для России». Прокурор области в конце концов признал купчую законной и закрыл заведенное «Дело».

В августе музей открывается. Остались последние отделочные работы. Утром Джон раскатывает по городу в поисках строительных материалов. Днем красит и штукатурит. А вечером дает представление в каком-нибудь Доме культуры, чтобы заработать шесть-восемь тысяч на следующий день.

Возле музея он хочет сделать музыкальный фонтан в форме громадного граммофона. И поставить во дворе мастерею, где можно было бы реставрировать старые инструменты. Но ни одного метра земли вокруг музея ему не дают.

Раз нет земли, нет и изгороди. И прохожие по вечерам используют стены первого частного музея, как общественный туалет.

Александр КРЕСТНИКОВ.
Фото автора.

Ярославль.